

О СВЯЩЕННОМЪ.

Грозная бѣда постигла человѣчество: оно растеряло свои святыни и расшатало духовныя основы своего бытія. Его жизнь стала безцѣльна; его творчество — бессмысленно; его благія силы стали скудны и немощны; его влеченія — низменны и несбузданны. И чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ болѣе становится оно слабымъ въ добрѣ и сильнымъ во злѣ. Есть ли предѣль этому паденію и гдѣ онъ?

Это паденіе прекратится и этотъ предѣль установится; но не ранѣе, чѣмъ въ сердцахъ возродится живое и глубокое чувство священнаго, — живая и подлинная религіозность. Въ душахъ изсякли благодатные источники богосозерцанія; они должны вновь забить ключомъ. Современные люди какъ бы ослѣпли для Божіихъ лучей, пронизывающихъ міръ; имъ предстоитъ вновь прозрѣть. Самодовольный и плоскій разсудокъ возсталъ противъ живой тайны Божіей; ему предстоитъ смириться и преобразиться въ вѣрующій разумъ. Божіи лучи опять засіяютъ человѣку съ очевидностью; но до этого и для этого ему предстоитъ очиститься въ глубокихъ страданіяхъ и униженіяхъ... И изъ этой глубины онъ опять вззоветъ къ своему Господу!

Человѣчество растеряло свои святыни. Онѣ не исчезли и не перестали быть; онѣ попрежнему реальны. Но человѣкъ не видитъ ихъ, не испытываетъ ихъ, не трепещетъ и не ликуетъ отъ духовнаго прикосновенія къ нимъ, не загорается и не горитъ, не любитъ ихъ и не рвется къ нимъ, не борется за нихъ и не ищетъ ихъ осуществленія. То, къ чему тянется масса современнаго человѣчества — то не священно; а мимо священнаго она проходитъ — равнодушная и безразличная, или же буйствующая и кощунствующая. И судьба ея въ томъ, что тѣ, кто сегодня равнодушны — завтра будутъ

враждебно буйствовать; а тѣ, кто вчера были безразличны — сегодня уже изрыгаютъ хулу...

Въ горнемъ планѣ реально все попрежнему. Святъ и дивенъ Господь — и въ небесахъ, и въ Сынѣ Своемъ, и въ вѣяніи Своего Духа, и въ таинствахъ благодати, и въ тайнахъ созданнаго міра. Попрежнему все насыщено священной значительностью. Попрежнему славить Творца — и величіе горъ, и взволнованное море; и мертвый кристаллъ, и тайна живого организма; и безошибочность инстинкта, и благоговѣйно вопрошающая мысль; и пѣніе птицъ, и закатные лучи, и молчаніе ночи. Попрежнему намъ дается болѣе, чѣмъ мы умѣемъ взять, и прощается болѣе, чѣмъ мы этого стѣдимъ.

Но съ каждымъ поколѣніемъ становится все больше и больше людей, которые не живутъ въ горнемъ планѣ, не видятъ его, не знаютъ о немъ и не знаютъ вообще, что онъ есть. Міръ, который они видятъ, — вещественъ и случаенъ; мысли, которыя они накапливаютъ о немъ, — плоски и мертвящи; чувства, которыми они обращаются къ нему, — мелки и похотливы; цѣли, которыя они себѣ ставятъ — коротки и себялюбивы. И вся жизнь ихъ — безблагодатна, безидейна и безкрыла. И сами они — остаются игралищемъ собственныхъ страстей и чужихъ вліяній. Они лишены хребта, но не лишены жаднаго напора. И если ихъ еще сдерживаетъ страхъ, то идея давно уже не ведетъ ихъ. Ими править не духъ, а вождельніе. Каждый изъ нихъ имѣетъ «существованіе», по рѣдко кто изъ нихъ причастенъ благодатному бытію и выстраданной, священной, благодарованной силѣ.

По силамъ ли имъ соблазны разнузданныхъ страстей, прикрытыхъ окаменѣвшимъ безбожіемъ? Какія священныя начала они могутъ противопоставить паѳосу отрицанія? Никакихъ. Священное открывается только духовному оку; оно не открывается ни тѣлеснымъ ощущеніямъ, ни разсудку, ни животнымъ чувствамъ, ни пустопорожней волѣ. Что можетъ возразить нигилисту тотъ, кто не испытываетъ и не знаетъ ничего священнаго? Практическій матеріалистъ, съ плоскими мыслями, мелкими чувствами и короткими цѣлями, — что можетъ онъ противопоставить теоретическому матеріалисту, утверждающему, что такимъ и надо быть не стыдъ съ? Богопустынная душа безсильна передъ напо-

ромъ діавола: ибо діаволь есть лишь вѣрный идеологъ для безблагодатности и безидейности.

Религіозно слѣпныя и безкрылыя поколѣнія нашей эпохи возникли не сразу и выступили совсѣмъ не неожиданно: это плодъ, давно завязавшійся и долго зрѣвшій. За этимъ умонастроеніемъ, за этимъ душевно-духовнымъ укладомъ лежатъ исторія нѣсколькихъ вѣковъ. Этотъ укладъ возникъ изъ того, что человѣкъ ослѣпился закономъ ѣрностию матеріи и стройностью разсудка; и отдалъ имъ центральное чувствилище своего духа; а душевная инерція додѣлала остальное. Человѣкъ зажилъ такими органами души, которые безсильны въ обращеніи къ священному, которые берутъ только внѣшнюю поверхность предметовъ и отвлеченную сторону мыслей. Бытовая, техническая полезность утвердила его въ этомъ укладѣ: любопытствующій наблюдатель сталъ успѣшно обслуживать прозаическаго корыстолюбца и оба вмѣстѣ, соединенными усиліями воспитали самодовольнаго резонера. И когда привычный резонеръ и плоскодумъ обернулся назадъ и увидѣлъ внѣшніе покровы заброшенныхъ имъ святынь — онъ иронически и кощунственно засмѣялся.

Вмѣстѣ съ Вольтеромъ и вслѣдъ за Вольтеромъ европейское человѣчество высмѣяло и просмѣяло свои святыни. Эта слѣпая, самодовольная и легкомысленная иронія выдавала себя и принималась за проявленіе свѣта, за высшую зрячесть. А на самомъ дѣлѣ она закрѣпляла въ душахъ слѣпоту и религіозную немощь. Это былъ не только отказъ отъ священнаго; это былъ отказъ отъ серьезнаго и благоговѣйнаго подхода къ священному. Эта иронія не только отрѣзала религіозныя крылья у человѣка, но какъ бы прижигала еще своимъ ѣдкимъ ядомъ урѣзанныя мѣста: чтобы крылья и впредь не могли вырасти. Она опустошала міръ и душу. И, слѣдуя за нею, человѣкъ привыкалъ считать откровеніе вымысломъ, догматъ — предразсудкомъ, молитву — чудачествомъ или ханжествомъ. Мало того, онъ привыкалъ издѣваться надъ молитвою, падъ собою, прежде молившимся, но болѣе не молящимся, и надъ самимъ Предметомъ своей бывшей молитвы. Религіозная слѣпота становилась критеріемъ просвѣщенности; а жизнь, опустошенная отъ

святыни, становилась подлиннымъ царствомъ пошлости.

Солнце не померкло въ небесахъ. Но ослѣпшіе глаза утратили его образъ. Душа повѣрила, что солнца нѣтъ; и погрузилась во внутренней мракъ.

Отъ насъ зависитъ выйти изъ этого мрака на подобіе того, какъ вышелъ изъ него евангельскій слѣпорожденный: ибо цѣлительная грязь уже возложена на наши глаза и намъ остается промыть ихъ и видѣть. Въ этомъ религіозный смыслъ нашего революціоннаго крушенія.

Безъ священнаго человѣку нѣтъ жизни на землѣ, а есть только прозябаніе, круженіе въ порочныхъ страстяхъ, униженіе и гибель. Что мы безъ святыни? — прожорливые черви, хищные звѣри или испуганныя овцы... Живое отношеніе къ святынѣ впервые дѣлаетъ человѣка — ч е л о в ѣ к о м ѣ ; служеніе ей — строить его личность и создаетъ его характеръ.

Воспріятіе священнаго — пробуждаетъ душу къ жизни отъ соннаго прозябанія, и тотъ, кто не пережилъ этого, тотъ пусть считаетъ себя духовно спящимъ. Испытать священное и узнать его — значитъ пережить главное въ жизни, такое, чѣмъ воистину стѣитъ жить и за что воистину стѣитъ бороться и умереть. Этимъ воспріятіемъ душа бываетъ потрясена и какъ бы ранена; ранена — божественнымъ совершенствомъ; но не къ болѣзни, а къ исцѣленію, радости и любви. Въ этотъ моментъ, если онъ состоялся впервые, въ ней совершается какъ бы нѣкая завязь духа, личности и характера; въ этотъ моментъ въ ней какъ бы небо отдѣляется отъ земли; или въ жилищѣ ея какъ бы воздвигается алтарь; или въ градѣ ея какъ бы возносится на горѣ Кремль съ его святынями. Въ человѣкѣ возникаетъ его священный центръ, къ которому отнынѣ все должно стекаться и отъ котораго все должно исходить. Отсюда онъ будетъ впредь обращать свои взоръ къ Божественному и здѣсь онъ будетъ искать вдохновенія и умудренія; отсюда будутъ возноситься его молитвы; здѣсь будутъ даваться его страшныя и ненарушимыя клятвы; здѣсь будутъ приниматься жизненныя и смертныя волевыя рѣшенія. Пребывать въ этомъ центрѣ и жить его откровеніями составляетъ смыслъ жизни; оберегать его въ себѣ и укрѣплять — есть пожизненное задание; служить ему есть вѣчное призваніе человѣка и источникъ бла-

женства. Ибо блаженство — въ вѣрности: въ вѣрности Божественному зову и указанію.

Гдѣ сокровище человѣка, тамъ и сердце его (Матѳ. VI. 21); и именно поэтому цѣнность человѣка опредѣляется цѣнностью его сокровища. Тотъ, кто вздыхаетъ о ничтожномъ — тотъ самъ ничтоженъ; поклоняющійся пустому — пусть въ своей душѣ. Пороченъ человѣкъ, поскольку онъ мечтаетъ о порочномъ; и зомъ тотъ, чья воля тянется къ злодѣйству. Но тотъ, чья радость и любовь отданы священному, кто молится истинному Бгу — тотъ таинственно и реально общается Его правдѣ и Его силѣ. Онъ уже не пусть и не ничтоженъ; въ его личности есть не только земное, но и твердь небесная, его алтарь становится главнымъ центромъ его души, а сама душа его унодобляется Кремлю. Попрежнему его душа, какъ у всѣхъ, имѣетъ свои слабости и страсти, а, можетъ быть, и пороки: «животное» и «земное» не исчезаетъ въ человѣкѣ, пока онъ живетъ на землѣ. Но личность его уже не сводится къ его страстямъ и слабостямъ; напротивъ: утвердившись въ священномъ и создавъ въ себѣ алтарь живого Бга, она вышла изъ своихъ страстей и противопоставила себя имъ. Она не исключила ихъ изъ себя; это не удалось ей; и не можетъ удался, пока она живетъ на землѣ. Но владычеству ихъ пришелъ конецъ. Она приобрѣла власть надъ ними; она уже можетъ не подчиняться и не предаваться имъ. Въ любой мигъ она можетъ сосредоточить свою энергию у алтаря, загорѣться и воззвать о помощи; и въ этотъ мигъ она уже осилила и превозмогла. Ибо въ ней есть источникъ высшей силы; и страсти уже не ведутъ ее къ падению съ той неотвратимой необходимостью, съ которой течетъ вода и осыпается песокъ.

Священное зиждетъ въ душѣ человѣка алтарь, этотъ источникъ священнаго горѣнія и священной силы. Отсюда власть человѣка надъ самимъ собою; власть дарующая ему внутреннюю увѣренность и свободу. Эта свобода далеко еще не есть праведность; но она есть путь къ праведности. Ибо праведность достигается именно черезъ упражненіе, укрѣпленіе и осуществленіе этой свободы. Бытіе человѣка начинается именно съ этой внутренней власти и свободы; то бытіе, котораго нельзя ни разло-

жить, ни извратить, ни сломить, которое дѣлаетъ изъ чело-
вѣка при его жизни — живой очагъ духовной
силы; и которое свѣтитъ другимъ, и ведетъ другихъ — и
послѣ самой смерти его.

И вотъ, избытокъ этого духовнаго самообладанія помазуетъ
человѣка — къ вѣрной власти надъ другими, къ
властному веденію и воспитанію ихъ во имя Божіе. И люди
сами чуютъ и чувствуютъ это; и съ облегченіемъ пріемлютъ
такую власть, зная, что источникъ ея — въ служеніи
священному. Вотъ глубокой смыслъ этого труднаго и
таинственнаго слова: «иѣтъ власти не отъ Бога» (Римл. XIII. 1);
и напрасно думать, что это слово зоветъ насъ — повиноваться
дьявольской власти только потому, что она «успѣшно» воздвиг-
лась на злыхъ страстяхъ.

Что есть челоѣкъ безъ святыни?.. Пустая видимость чело-
вѣка; обманная личина личности, не болѣе. Къ чему способенъ
онъ, служа своимъ страстямъ и прихотямъ? Къ слишкомъ
«многому», — но именно потому, что онъ не способенъ къ гла-
вному. Можно ли вѣрить ему, если онъ самъ не вѣритъ Богу,
и если онъ черезъ эту вѣру не научился еще — вѣрить себѣ
самому? Оставаясь одинъ на одинъ, передъ лицомъ Божіимъ,
онъ отвертывается отъ Бога и измѣняетъ себѣ. Какъ же мо-
гутъ вѣрить ему другіе? Что можетъ онъ противопоставить
хладному и темному духу соблазна? Какъ противостоять
онъ ему, не имѣя ни священнаго знамени, ни священной идеи?
Ибо если онъ нынѣ отводитъ соблазнъ только потому, что онъ
сейчасъ не сулитъ ему выгоды, то завтра соблазнъ при-
детъ къ нему въ обличіи выгоды и расчета; и увлечетъ его
на свои пути...

Что противопоставляетъ современное челоѣчество зараѣ
воинствующаго безбожія? Трезвыя соображенія о томъ, что
коммунизмъ и порочность «не выгодны». А если черезъ десять
лѣтъ духовно ослѣпшія массы найдутъ, что коммунизмъ при-
быленъ, а порочность выгодна?.. Тогда онъ соскользнуть въ
бездну съ тою необходимостью, съ которою течетъ вода и обсы-
пается песокъ...

Опустошенный и растерянный, современный челоѣкъ не
можетъ и не умѣетъ бороться со стихіею пошлости и съ на-
поромъ дьявольскаго начала. Для этой борьбы необходимъ
религіозный закалъ души; необходима преда н -

ность священному и вѣрность алтарямъ. Прозрачные люди не могутъ и не должны участвовать въ этой борьбѣ: они всегда будутъ подобны картоннымъ кирпичамъ, заложенымъ въ стѣну; и чѣмъ больше ихъ будетъ, тѣмъ скорѣе обрушится стѣна. Для этой священной борьбы необходимы не оглушенные, не опоминающіеся и не прозрѣвающие; но прозрѣвшіе, окрѣпшіе и закалившіеся; такіе, которые изъ глубины своего духа поняли, что дѣйствительно не стоить жить тѣмъ, за что не стоить умереть; и которые волею приняли бремя этой великой, міровой борьбы во имя священнаго.

Такіе люди яснымъ и спокойнымъ взоромъ узнаютъ другъ друга при первой же встрѣчѣ; и не ошибаются. Они узнаютъ другъ друга по священному закалу души; и вѣрятъ другъ другу такъ, какъ вѣрять исконно-своему. Ибо ничто не сближаетъ и не соединяетъ людей такъ, какъ вѣрное стояніе передъ алтаремъ единого Бога.

Отъ союза такихъ людей, отъ ихъ волевого братства въ духѣ и въ дѣлахъ придетъ спасеніе Россіи. И каждый изъ насъ призванъ нынѣ къ тому, чтобы найти въ себѣ свой алтарь; зажечь на немъ неугасимый огонь; закалить въ немъ свое чувство, свою волю и свой разумъ; — и потомъ искать своихъ братьевъ въ духѣ; и найдя ихъ, связаться съ ними священными, закрѣпленными узами на жизнь и на смерть.

Только въ такомъ рыцарственномъ служеніи и союзѣ создастся и выдвинется необходимое Россіи поколѣніе. Поколѣніе людей, способныхъ вести борьбу и строить святую Русь подъ знаменемъ религіозной и національной, — священной идеи; способныхъ подчинить ей и начало земной власти, и начало земной прибыли; способныхъ создать власть, подлинно идущую отъ Бога.

Россія спасется и возстановится только черезъ священное служеніе Священному...

И. А. Ильинъ.